

Николай Волженцев Кибиточная Масленица*

В старину

Раньше село наше было большое, богатое. К тридцатым годам в нём шестьсот дворов насчитывалось, пять тысяч жителей. В тысячу голов табун лошадей на выпас выгоняли. Чернореченские наделы просторно, далеко тянулись. В ширину наша земля начиналась от Урала и тянулась за железную дорогу. Подступала к Бродецку, Мужичьей Павловке, Донецку, Архангеловке, Сергиевке. В длину — с одной стороны граничила с селом Зауральным, с другой — касалась шуваловских земель. Как уйдёт на выпас косяк лошадей, так его в этом раздолье и просторе потом и за неделю не сыщешь, не соберёшь...

Население густое, большое, не то что сейчас (тыщу жителей счётом и то с трудом наскребёшь). Молодёжи много. Когда забирали парней на службу, с каждой улицы почти полностью казачья сотня выходила.

Ребята ходили ватагами, компаниями. Подбирались, собирались в компанию человек по десять, по двенадцать.

Молодость неуёмна, быстра сердцем, скоро на ногу. Веселились вволю, везде старались успеть. Особенно нам вольготно, раздольно и интересно весной. С тёплой весенней поры до осенних холодов после буден дневных — молодёжь в селе вечерами отдыхала. Шла на вечерки.

Девчата также компанией собирались возле какого-нибудь дома. Сидят на скамейках. Подходит ватага ребят с гармошкой. Играет гармонь. Танцуют, поют девчата. Ребята тоже не отстают, стараются себя показать. Кто частушкой громыхнёт, кто пляской себя выделит. Перед девьём в грязь лицом не ударим, не оконфузится: «И в пляске, мол, и в песне мы тоже не лыком шиты». Смех, шум не стихает всю ночь. Расходную поёт гармонь уже на заре.

В селе в буднее время все работают. Лодырей село не любит. Дети тож при деле, взрослым помогают. Молодёжь — взрослеющие парни и девчата — и того пуще: стараются вовсю. Как-никак преемники своих родителей в обиходе; скоро, скоро на свою на семейную жизнь пойдут. Сноровка, закалка к труду есть. Не страшно становиться в будущем на свою на самостоятельную колею. Без куска хлеба не останутся. И себя, и свою семью прокормить смогут. Особенно много работы в страдную пору. А она с весны до осени.

Любили сельчане работать, любили и отдыхать. Время свободное копили на зиму.

Весной посевная, летом сенокос, огородные дела, к осени — уборочная.

Николай Волженцев — поэт, прозаик, врач. В 1970 г. окончил лечебный факультет Оренбургской государственной медицинской академии, был заведующим больницей, заместителем главного врача. Произведения печатались в журнале «Брега Тавриды», альманахах «Оренбургский край», «Гостиный Двор» и др., в коллективных сборниках и антологиях. Удостоен звания «Почетный гражданин села Черноречье».

* В рассказах сохранён говор старожиллов Чернореченской станицы (Оренбургский край).

Сено свезено на карды, смётано в стога. Омёты до самых до небес. Хватит на прокорм коровушкам и овцам, впрок сенца заготовлено. Сыто лютую стужу кормилица-скотина перезимует.

И самим горевать-печалиться не о чем. Зерна в сусеках и ларях вдоволь. Мука намолота. Хватит и просто на пропитание, и на всякое деревенское кондитерское разносолё, на которые хозяйюшки станичные шедры и умелы: на ватрушки, на витушки, на пампушки и прочее...

И огородные дела к закату. Картошка выкопана, овощи собраны. Осенний засол огурцов, помидоров, капусты, арбузов у хозяйюшек закончен. Кадушка с засольем опущена в погреб. Осень сметает последнюю листву с деревьев. Погасли, утекли страдные заботы. Подступай, стучись, зима, уже заждались мы тебя! Осыпай, одевай деревья пуховым снегом. Уметай гладенькой позёмкой улицы. Гони, подталкивай под самые окошки, сажай, подсаживай сугробы на крыши домов.

Вот они и подошли — наяву уже стоят, белые зимние дни. Наваливаются сумерки густые, вязкие, длинные, глубокие. Разжигает, посыпает искрами снега, заливаает обильно и щедро холодным светом, выйдя в зенит, луна. Покоем и тишиной стоят над просторами долгие зимние ночи.

Сиди и в ус не дуй. И в доме, и во дворе всё ладно и приятно. Выпустишь из сарая овец, телят, коровушку, загонишь в карды; кинешь, дашь им сенца, в хлеву приберёшься, чтоб домашним животным должный уют удержать, — и все заботы. Отдыхай теперь. Хоть на часы, хоть на дни — на сколько тебе надобно — тешь и нежь себя покоем. Наслаждайся отдыхом. Холь себя, бока и поясницу на печи отогревай, немочь от прошедших страдных работ отгоняй.

Хошь, лежи себе отдыхом на печи, хошь, дни праздниками помечай... До летушка красного и забот его — ох как далеко!.. Ведь устанешь на печке бока свои греть. Того гляди и заскучаешь от такой беззаботной жизни. Самое время сейчас к празднику заявиться-притолкнуться. Соседей зови. Угощеньем, разносолёем привечай. Пора на людей посмотреть и себя в гулянье показать.

Бесперечь праздники. Счёту им нет. Так и стучатся песнями, играми да забавами в ворота и в окошко. Вставай с печи, отряхнись от забот хоть немножко. Успевай красным дням дверь отворять, гостей принимать.

Шабры, родня не забывают — приходят, да и к себе в гости зовут. Тоже угощают, добрым, крепким тостом привечают.

Потчуют от души и для радости.

Интересно, радостно летели праздные дни. Особенно любили встречать Масленицу. Как сейчас вижу перед собой — разудалой, весёлой, молодой моей порой — те золотые дни...

Готовились к празднику загодя. За неделю, за две, а то и раньше. Смотря какую затею готовился вымудрить к Масленице сельчанин. Коронный номер, обязательная часть праздника — катание на кибитках. Каждый старался выделиться, удивить своих земляков.

На большие, широкие, просторные сани ставили кибитки. Форма и величина кибитки зависела от удали, размаха, фантазии хозяина. Кто шатром-теремом вывернет, кто юртой закобенит, кто шалашом сгонодобит, домиками на разный фасон, на разную вывеску: всякие — одно-двух- и трёхэтажные даже.

Покрывали кибитки рогожей, ветошью — чем попало. Разукрашивали снаружи каждый на свой лад. Чтоб поинтересней, поособистей, повиднее, позаметнее, — эх, да пофорсистей, порасфуфыристей, позанозистей-позакорыристей стала кибиточка, к взгляду льнула, лепилась бы. Весь остатный год чтоб — до следующей Масленицы — и в быту, и на отдыхе шуткой, весёлым смехом, приговорочкой, прибауточкой — радостным помином поднимался в сельчанах ушедший праздник.

...Масленица. Вся улица битком набита людьми, — вся полна: шевелится, гомозится, колышется народом.

Среди людского прибоа, словно корабли в море, плывут неторопливо кибитки на санях. Расфуфыренные, разукрашенные на всякий лад и вкус, на

всякий фасон и размер. Передвижное праздничное жильё на санях. Невозмутимые, равнодушные к празднику и людской суете, тянут быки кибитку. Труба над нею дымит. Внутри печечка, как положено, дрова аккуратно охапкой сложены. Топится печь. Пекутся блины, чай готовится. Празднуют, пируют сельчане, родня и земляки, товарищи и шабры, подруги и закадычные друзья. Веселье через край.

Всё ярче, ослепительнее брызжет солнце. Миллиардами ярких маленьких звёздочек обдаёт, искрится снег. На вешний лад уже лучатся, мерцают, серебрятся сугробы. Хотя солнце уже и повернуло на весну — зима не отпускает, ещё крепко держит над землёю снега; под ещё льдистым мартовским ветерком лучи только-только начинают теребить теплом снежный наст. По наезженным до глянца, накатанным до блеска колеям зимней дороги, на следах санных полозьев едва-едва начинает лосниться влагой — чуточку, слегка только мокреет, сыреет снег.

Просторно, ясно и ярко. Праздник обдаёт всех пляской, криками, шумом, весельем, пеньем. Как разуборены, как красивы наши казачки. Ядрёные, сбитные, осанистые. Всё цветисто, всё пестрит их одеждой. Платки разноцветные на жакеты стекают, льются. Жакеты ладно скроены, под талийку плотненько приложены, тесно их обнимают, чётко выделяют, подчёркивают женскую охмеляющую статью. Юбки обористые — синие, зелёные, голубые, цветочками расписанные — на всякий фасон, вкус и цвет — ладно, аккуратно сидят на них. Возле палисадов, вдоль всей улицы топчутся, переговариваются, пляшут, поют, своим задором веселят нас казачки — жёнушки, сударушки, ладушки, касаточки наши. Бегут возле кибиток, юбками длинными, разноцветными снег по краю дороги уметают. Толкают шутливо друг друга, падают, кувыркаются в сугробах. Не от хмеля валяются, падают снопами бабоньки в сугробный снег, а от раздолья и разбористого веселья. Барахтаются, осыпают друг друга снегом. Ветер резко отмахивает концы шалей на лица казачек, пряча их, и снова назад отбрасывает, всю красоту и статью хозяйшечек снова взгляду разворачивает.

Как наливные яблочки, румянцами разливаются, алеют щёки сельских красавиц. Тёмные, тонкие — дугою — брови не тушью нарисованы, прописаны, прочерчены — своею кровной природной красотой представлены. Не помадой губы подведены (не нуждаются в приукрасе сельчанки) — яркие, сочные, тоже от природы и здоровья, пухлые, призывом и игрою алеют женские уста.

Ладны, приглядны наши казачки. Но и озорные, и заводные. Где и ядрёным словом омахнут, не постесняются — вылепят, коль потребуется, момент коль такой прискочил. Не обессудь и не обижайся, если ухлестнут им тебя, значит, за дело к тебе полетело и тебя задело хлёсткое слово казачки.

Постаралась матушка-природа, дала, что положено, что требуется для радости и счастья им. Глаза вспыхивают, притягивают удалой припускной заинтересованный взгляд казака.

Не оторвать от ясных, как небеса в спокойную погоду, весёлых, как играющее солнышко в тёплый весенний день, притягивающих в свою желанную бездонную синь глаз. Зовут к себе томительно, неодолимо. Не увернуться, не обойти, не минуть их! Смотрят шутливо, задорно, словно испытывают, на что ты способен, какой ты в жизни есть богатырь, загодя словно проверяют на выдержку и смелость. Взмахивают взглядом лукаво и ласково, как бы тая в себе все блага мира, но, увы, увы, оказывается, не обещая их всерьёз. Эх, озорной, с доброй насмешинкой и иронией, лукавый женский взгляд...

Так и хочется прильнуть к сладким, зовущим устам казачек, жарко расцеловать милую казаченьку. Так хочется обнять да прижать к себе гибкий, норовистый её стан.

Дыханье перехватывает. Душу жаром обдаёт. Сердце заходится, стучит, сжимается, прыгает от раздолья, восторга, радости первым дням долгожданной весны.

Льётся, вьётся праздник, шум и сутолока, веселье и толкотня... Не утомились казачки, пляшут, бегут возле кибиток, платочками машут. А сами-то, а сами-то от упляса-перепляса, толканья, барахтанья на снегу — взгляни, как

разгорелись-разогрелись, как распылались. Высвечиваясь и одеждой нарядной своей, и яркими румянцами, сами — что живые цветы на белом снегу да под ярким, весёлым солнцем.

Гулянье

Внутри как в дому. Тепло, уютно, просторно — всё как в избе. И праздник идёт приветливым образом, как должно и как принято. Хозяин сидит с роднёй и друзьями и с улицы новых гостей окликает, в кибитку зовёт. Хозяйка с уважением к каждому человеку подходит, норовит угодить, радостью поделиться, изобилием, угощеньями, разносолами на столе погордиться. Стараются хозяева, за стол гостей усаживают, присоглашают всех.

И тех, кто случаем возле кибитки оказался (мимо по своим делам шёл, и не думал, и не рассчитывал вроде сюда заходить). И тех, кто специально тёрся — не случайно оказался возле кибитки, из любопытства и любознательства приткнулся, затёк, сюда посмотреть чтоб: как и что? как у шабёра кибитка обставлена, сооборудована? как праздник идёт, волнуется? какие причиндалы, угощенья сготовлены? Всё на сметку-заметку себе, чтоб так вот иль лучшим манером на будущую Масленицу в своей кибитке порядок срододить. А может, ты и сгораздился-то сюда напрямую, нахлёстом — прямо к праздничному столу, чтоб от души, как следует угоститься? Заходи напрямки, без закоулостей, без закавычек, без стеснения. Никто ведь не осудит, хлёстким гневным словом не опудит, что зашёл ты к земляку, к другу попить.

Не зазорно на празднике просто так, в любой дом, в любую кибитку зайти. Хоть сам ты, может, гость в селе, совсем чужой, не здешний человек тут, а родным и желанным везде станешь. В любом доме принят будешь. Как самого близкого родню потянут, поведут хозяева к застолью. Хочешь не хочешь, всё равно на развеселье ударишься. Зайдёшь ты и трезвым, и сурьёзным, быть может, но хмурым и сонным отсель уж не выйдешь. Некстати уныние. Печаль при тебе какая — забудь! Веселей гляди! Седни Масленица. Гуляй, годок!

От хмеля, от хлебосоля, от приветного угощательного хозяйского напора и обхождения уже и ноги еле шевелятся, на скамейке ладно пока ещё держат, упасть не дают. Язык заплетается, тебе уже не волен подчиняться и для тоста, и для благодарного слова хозяевам и гостям. Клонишься невольно, тянешься уже к столу головушкой потяжелевшей — неотступно, неотвязно. Тут уж тебе и отдохнуть предложат. А ты топыришься, не сдаёшься, хочешь стряхнуть с себя хмельную тяжесть. Ну так что же? Если ты, вдребезги хмельной и квасной, вгорячах домой тянешься, пыжишься идти — под руки тебя подхватят как братца родного с обеих сторон. И обязательно, хоть волоком на себе, в домашнюю твою, кровную обстановку прямо по назначению в спаленку к жёнушке твоей дотянут. Заплелись совсем ноженьки, и волоком не получается вести — напрямую, без маршрута, через сугробы прямо, на руках, как фараона, — почётом к родному крылечку поднимут и в дом вознесут.

Гудит, чудит, веселится праздник. Эх как разворачивается добротой и щедростью раздольная русская душа! Радущьем, избытком радости льётся: всех обнять готова. /.../

Эй, землячок, не держись ногами за порог, а руками за потолок. Открывай пошире полог. Заходи! По пустому-то на стол, порожним, скоромным взглядом не гляди, глаза-то так широко удивленьем не топырь, не топырь. Заходи, не стесняйся. Садись за стол да угощайся с нами. Попируй за вчерашний, нынешний, завтрашний день. Забудь всё. Нынче нет забот. Празднуй, ликуй! Для этого эти дни. Масленица! Гуляй, годок дорогой, гуляй. Да вино не проливай. Крепче кружку держи. Мимо рта не промечи. Эх, не опрокинь ненароком драгоценную влагу (качает кибитку). Кружка с брагой кувыркнётся, в грусть весь праздник обернётся. Последнее дело...

Гришка Пиндов

А Пиндов Гришка чё умудрил, каку загогулину выкинул со своей кибиткой?! Сромодил аж трёхятажну. Третий ятаж шатром-теремом пустил. Ох, крутоскатная крыша получилась. Высо-окая! Не только кибиточных, а и всех избяных крыш она выше и заковыристей. Высотой каланчу деревенску догоняет, достаёт. С колокольней чудок тока не сравнялась, а то выше всех заведений в селе оказалась. Через саму верхушку, пипочку кибитки наружу столб держальный проступил (соха) — над всем шатром возвышается. Хоть флаг привешивай, хоть звезду приторачивай, приставляй. Чем тебе не кремль? Кремль и есть, только передвижной — на санном ходу.

Высока и крута крыша, ан и сюда народ взгромоздился. На такую крутизну лезет, лепится, за скаты держится. И ведь не из-за тесноты сюда люди взгораздились (помещений в кибитке хватает — аж три этажа в ней, свободного места хоть отбавляй), а от причуды и потехи своей — для развлечения на высоту сельчане карабкаются.

Вся деревня отсюда как на ладони видна. А на самой верхотуре, на самой пипке терема, обняв соху рукой, свесив по скату кровельки ноги, покачиваясь туда-сюда в такт неторопливому и монотонному движению саней, словно в седле сидит и отсюда праздником руководит сам хозяин — Гришан Пиндов. Отовсюду виден! Пряма флюгерный кочет, только в большом размере, живое украшение всему фасаду.

Да как же от тряски такой он не вылетит, не порхнёт с крыши кубарем, не стухается, не громыхнется? Как привязанный! Да играть ещё успеваешь?! Вроде бы махонька гармонь (сожмёшь — всю ладонями захлопнешь), а голосиста кака! С колокольчиками, бубенчиками. Старинна. Другой такой в селе нет. Руки пустил по обе стороны сохи (для укрепления себе), гармонь в ладони уцепил, на клавиши жмёт. Меха то в одну, то в другую сторону сворачивает и разворачивает.

Тряхнёт сугроб кибитку. Не выпустит Гринька гармонику. За столб локтём уцепится, обнимет, плечом прижмётся. А свободной рукой гармошку вытянет, меха выведет-развернёт. Пальцы с планки не спускает. Устанет рука держаться за столб — оттолкнётся Гринька от него. Другой рукой уцепится за соху, а свободной — вытянет меха.

Радует земляков гармонь. Заводит, завлекает, за сердце хватает, тешит, манит на простор. Идёшь своей дорогой и плясать вроде не думаешь, а ноги сами, волей-неволей, к плясу разворачиваются, перебрасываются, в такт гармонии перекидываются, пускаются — кренделя, загогулины выписывают. Вприсядку рядом с кибиткой выкатываешься. Ох, ты!.. Этак так!.. Вот эдак так!.. Эх, головокружительно! Эх, обворожительно...

Всю деревню на ноги гармонию поднял! Все заплясали, одне, быть может, дома устояли. Да ить, наверно, и то вот-вот ринутся-двинутся, присядкой пойдут...

Панька Рябков

А Панька-то Рябков чё отчудил, отчебучил? Всю свою улицу, наверно, зазвал, гостей натолкал? Битком кибитка набита. Не пошевелиньтуться, не подвигнуться. В печке дрова трещат. Жарко, хоть парься! А гостям хоть бы что. Знай себе гомонят, песни голосят...

Хозяева настойчиво, неутомимо, на весь сердечный размах гостей потчуют. Кажно угощенье уважительно опробовать, отведать просят и требуют. Друг дружку — хозяева гостей и гости хозяев — тостами да с приговорочками, здравницами весёлыми да прибауточками привечают, приветствуют. А брага забориста без навяливания — сама за себя говорит, в рюмки просится, к каждому льнёт. После каждой рюмочки вскрикивают, вскрикивают казаки, ладонями перед лицом взмахивают, встряхивают, разгоняя, остужая нахлынувший в душу с домашним самодельным напитком ядрёный огневой жар. Крепким напит-

ком друг друга подбадривают, подбодряют. Одобрительным словом друг друга одевают, одаривают, по плечу похлопывают, похваливают за застольную отвагу:

— Толков, годок, на брагу, толков ишо!..

Наравне со всеми сам хозяин. И сам гуляет, и праздник держит. Шумно, весело... А впереди, на облучке, ведь никого нет. Самоходом идёт кибитка. Некому смотреть за санным путём. А ничо! Быки дорогу знают, доедет куда надо кибитка. Гуля-я-йй, казаки! Ма-а-асленица! Тяжело быкам. И как это они толпу, ораву такую ташшат ишо?! Но вот и они не выдержали — встали. Тянуть перестали — уста-али! До конца улицы, до околицы не дотянули кибитку.

Вот так-так! Чалили гостёчки рюмками, чалили, гнали-догоняли праздник — дочалились, — на главной улице, в самой серёдке села — вот тебе и прича-а-алили. Возле уличного столба притарачились быки, дышат тяжело. Пар аж тучей вокруг клубится, как туманом всю кибитку и быков обдаёт, укрывает.

Постояли быки, постояли да и развернулись, к ближнему чьёму-то двору потянулись, возле ограды захотели отдохнуть. Сами-то сошли с пути, а сани из-за высокого, глубокого снега вдоль дороги так и не сволокли, не вытянули за собой... На прежнем месте посреди улицы (поперёк её) сани с кибиткой так и стоят. Здесь, на обочине, прямо на снегу и прилегли быки.

А гости гуляют. Что кибитка встала, не знают. Эх, ведать не ведают, ничегошеньки-то не чувствуют. Поют-возгудают. Крепкой едой, ядрёной наливкой себе кровь разгоняют. В песне душу отводят. Каждый на бас норовит попасть, подняться. Да не всякому удаётся, не у каждого получается. Тому вон на выписк лишь духу хватает. Но старается, усердием песню тянет. Ничего! Небось не спровадит её. Чем Бог наделил — тем и радуется, поёт, своим зато, а не чужим голосом. Хороша, в удовольствие жизнь!

Всурьёз стакнулись станичники. Лицом к лицу сидят за столом, всем нутром, на весь душевный разгон песни выкладывают. Друг перед дружкой стараются, ладонями воздух рассекают, отмахивают — направленья песни держат, с рихма, лада чтоб не сгораздиться.

— Эй, годок, что унылым, замороженным сидишь, взглядом смурным наш праздник сверлишь? неуютно на душе? За песню держись. Отлетит тоска, как шелуха!..

Обнялись тесным дружным кругом за столом, в такт песни раскачиваются то в одну, то в другую сторону..

Вдруг чистым, задорным, весёлым перезвоном и переборами зальётся гармонь — удалому не выдержать за столом. Гляди, уже плясом пустился. Чешет, аж звон по всей кибитке идёт.

Эх, ух — во весь дух, щёголем-гоголем, заковыристо переплясом двинулся. Разошёлся, разударился, разгулялся!.. То присядкой отвернёт, то чечёткой отметёт. Такие колена выдаёт, такие выкрутасы лепит, выкобенивает — только диву даёшься! Кто может в этой пляске догнать, повторить, переспорить его? Разве возможно кому такие выпады-выверты осилить, одолеть?!

Вот, перебирая ногами, плавно двинулся. Поджался снова в присядке, то одну, то другую ногу вперёд выкинет. Двигается по кругу, словно воздух ногами подталкивает или мяч какой-то невидимый гонит.

За ним да один, да второй, да третий... друг за другом в тесный кибиточный круг выскочили. И ещё, и ещё!.. Разошли-и-сь! Разгуля-я-лись! Один другого хлеще — взгорелись, взгорелись, взыгрались станишники!.. Важный на свою фантазию, на свой замах танец вымудряет. Чё выделяет! Степенные станишники!.. Весь день пили, ели, сиднями за столом сидели. Песней возгудали, едой-угошеньями застольными, разносолами всякими да напитками вес набирали, крепостью тело нагуливали, брагой отвагу копили. И серьёзность, и степенность — куда всё подевалось?!

Здоровенные, солидные казаки, в азарте и в хмелю как лёгкие пёрышки, вздёрнутые густым напористым ветром, — над полом взмывают.

Шум, гам, гул, стук-перестук, крики-вскрики разносятся в кибитке. Песни, гвалт, суетолака.

От дружной застольной раскачки, от пляски ходенём ходит, как корабель, туда-сюда разворачивается, с бока на бок покачивается кибитка. Как будто по волнам сугробным движется — того гляди и перевернётся Гости и думают — едут, от толчков-тычков сугробных их так подкидывает. Веселятся себе...

/.../ Песни всё тише, крики слабее, разговоры всё глуше... Продолжает колёбаться кибитка. Но всё тише, медленней, раскачки застольной и пляски-то уже нет. Справа налево и слева направо несколько раз колыхнулась она и затихла.

Пили-пили, ели-ели гости, плясали, пели, от праздничного утомленья, хмеля и закуски — и разомлели, под раскачку свою и убаюкались; уткнулись лбами в ладони, спят за столом.

В центре главной улицы, в самой середке села, стоит кибитка. На всю округу густой, дружный храп оттуда возгорается, надо всей улицей разносится.

Земляки мимо проходят, удивиться никто не хочет. Не удивишь: всякого в праздники повидали, да покрепче, да покруче. Проходят — будто не видят, будто никакого дела до события этого нет. Ну и что — поперёк улицы всему движению запором, затором кибитка стоит? Значит, удобнее так гуляющим, так им сподручнее. Нравится им, и ладно. Кому мешают, мимо объедет, стороной обогнёт. В праздники каждый волен чудесить как ему заблагорассудится, как ему спондравится. У каждого своя прихоть в гулянье, у каждого по-своему радость выпират. Без хормутенья, спокойем — пусть гуляют люди. Никому не обидно, никому не досадно от этого!..

...Ничему не удивляются земляки! Не потому, что ничем нельзя удивить их, а потому, что просто с толком понимают и принимают они свой праздник...

Родные Паньки (те, кто дома-то остались) уже спохватились. День к вечеру льнёт, а хозяин к родному дому ещё не прибил. Собираются в розыск пуститься. Где наша кибитка, куда запропала, где на якорь встала?..

А что искать, когда она — вон в центре села, на самом виду стоит...

Колыгарий¹

А Колыгарий-то каков? Кандебобрину какую со своей кибиткой отвесил? Выпятился-то как, а? Как отме-е-етился! Эт надо ж. Ох и выдумщик!

Птицу каку-то неведому, диковинну вымудрил. По-о-тешник! К голове птицы чурку не чурку, щепку не щепку, деревяшку какую-то — сучок, на три части расшеперенный, прилепил, приладил. Значит, вот тебе и клюв, и рот птичий, и язычок посередке. Вполне сходит-походит, если присмотреться и догадаться.

При дуновении любого, даже небольшого ветерка, при потряхивании, даже при чуть заметной встрясточке клюв начинает скрипеть, дребезжать, всяки звуки издавать. Как будто верещит иль вещает птица.

Опять же, из чурок-шшепок разных ишо одну прибабашенку игральную — трешшотку смастерил, к ней вертушку приладил и сзади вместо хвоста причепил.

Разноцветны петушьи перья (наверно, все деревенские курятники оббежал, насобирал иль с самих птах нащипал) на фанерное туловище птицы этой налепил, наклеил.

Ох, чудна-пречудна, расчудесна птица получилась! Диковинна, заморская, чать?

Эх, да на ветру — то в разны стороны топорщатся, взвиваются, плещутся как ленты, то дружным плавом одним направлением текут длинны эти разноцветны перья.

¹ Колыгарий — уличное прозвище Николая Петровича Иванова. Погиб на войне. Его средний брат тоже погиб. Младший брат умер. Уличное прозвище жены Николая Петровича от него же — Колыгариха.

Птаху ету на спицу установил, в колёсико закрепил и на крыше впереди вместо избяного конька поставил.

Да ить ладно бы, тока эта причуда была... Мало её! Для раздолья, удовольствия и радости себе и в память, развлечение, в отметку землякам и для размаха праздника ещё всяких фокусов наддобавил.

Намастерил из дерева игрушек разных: птиц, зверушек. Сквозное отверстие в каждой провёл. Поставишь на ветер — свистят, гремят, воют, воркуют.

Поразвесил эти свистульки-гремульки по всем сторонам кибитки сверху донизу, украсил, чисто ёлку новогодню. Нарядна: в зверушках-игрушках вся кибитка. Ветер к ним прикладывается, дует в них. Гудёж, галдёж, визг, писк от них. Не кибитка, крон, а ансамбль народных инструментов. Да ето не всё! Не поленился Колыгарий. Для полного угормона себе и публике к этому ещё одну штуковину выкопнул.

В жердинах стропильных на каждой стене кибитки также дыры просверлил, протыкал. Ветер в дырочках этих махоньких шебаршит — журчит, льётся, мелодией раздаётся. То размашисто и громко, как на большой губной гармошке, то тихо и грустно — ровно на флейте наигрывает.

Потихоньку движется кибитка — не торопясь. На каждом сугробе при толчке иль от дуновенья ветерка встряхивается клюв: дребезжит, трепещет, отщёлкивает. Не то пишшит-верешшит, свистит-свиристит, не то жужжит. Не то по отдельности, не то сразки все вместе эти звуки раздаются. Прислушаешься — и ясно не уловишь. И то, и другое, и третье померещится ли? Не то журавель курлычет, не то курица вхочет, не то петух вскукарекнуть пыгаеця, да не полуцаеця — только ёкает да гокает — попёрхивается, как бы захлёбывается качкой, спотыкается, напрочь-намоэльч тут же затыкается. Не то утка крячет, не то сорока стрекочет. Не то ворона каркает-гаркает, не то галка галдит, словно фольга-бумага от сминанья-смыканья тоненько поскрипывает — голосочком жалобным будто всхлипывает, плещет. Всякие звуки издаёт птица, на разные голоса вылетают они из клюва.

Хвост птицей правит, от ветра во все стороны её разворачивает. Словно тебе флюгер, движенье-направление ветра птица держит, выдаёт. Трешшотка позаде трешшит, нащелкивает, наяривает, тоже в общий хор влетается. Ветер птице стоять покойно не даёт, качнёт то туда, то сюда. Во все стороны на шарнире птица ходит. Колёсико вращается, поскрипывает, ровно гусь иль цапля пронзительно вскрикивает. То влево, то вправо птица метнётся, то вдруг округ себя крутанётся. Как волчок игровой, как юла, зажужжит, как веретено, заюзжит, то вдруг, как разобиженный пёс, скульнёт и взвизгнет. Вертушка на хвосте трепыхается, вертится, попыхивает, сиреной взывает, жужжанием и гудом, как пропеллер, всю улицу обдаёт.

Всё чудит, трубит, гудит со всех сторон. Свист-писк, гул далеко раздаётся. Эт надо, какую кибиточку заморочил Колыгарий! Ну распотешил, развлёк, утешил нас. Шоркнул-шаркнул, учудил и угодил! Никто в селе такую кибитку не отмахивал. Как парадом она главной улицей идёт. Сам хозяин, гляди, подбодрился, сидит на облучке, гоголем посматривает, гордо правит своей распотешной певчей кибиткой.

Прощёный день

Воскресенье — последний день Масленицы. Село как бы вдруг осунулось, притихло, словно задумалось и оглядывается назад — на прошедший год и пролетевшие дни праздника. Прощёный день. С утра все сельчане идут друг к другу. За ссоры, обиды, которые произошли между ними, каются, просят прощенья друг у друга.

Кто бы ты ни был: зять, сноха, тесть, тёща, свёкор, свекровь, сват, кум, брат, дальний, близкий ли родственник, сосед или приятель, просто ли односельчанин, если ты причинил обиду другому, обязательно должен перед ним повиниться.

Обращались друг к другу с величанием — по имени-отчеству, вежливо, бережно.

Просили прощения и жена у мужа, и муж у жены. Дети у родителей и родители у своих чад.

...Радость и покой разливает солнышко над притихшим селом. В доме уютно. Через разрисованные ночным морозом окна с самого утра день синевой заглядывает в дом. Искристо, разноцветно бьёт солнечными лучами, сеется на затейливо расписанные вышивкой шторы, на красивые, в ярких цветах занавески над кроватью родителей, на скатерть столика в горнице и на переборку. Мать подходит к окнам, раздвигает шторы. Как через сорванную преграду, шквалом расходится, ещё гуще разливается по комнатам свет, отодвигает последние тени и сумрак в прихожей возле печки. Ещё наряднее, пригляднее, удивительнее комнаты. Мать изумлённо всплёскивает руками, шепчет нам:

— Праздник, праздник по дому пошёл, глянь, как по комнатам прохаживается.

Глядит через верхнюю, не задетую зимними узорами часть окна на улицу. Зовёт отца:

— Шура, Шура! Денёк-то какой выдался, глянь! Просторно-то как.

Отец подходит к окну, смотрит на улицу. Чуть наклонив голову, с задумчивой улыбкой говорит:

— На свет, на глубину дни потекли. Каждый пригож, а нынешний — в особенности. Так бы глядеть и глядеть на белый свет, не отрываясь. Хормутенем, заботами время идёт. Детки растут, лепятся при нас. По душе и в радость заботы к нам льнут. О чём печалиться? Так бы ладом и дальше жить. Радостно и покойно. Как будто конца и края радости не будет — вечно так будет, как сейчас. Хозяюшка ты моя, Клавдия Алексеевна, прости ты меня. В быту заедном голову-то мою гневом, как туманом, затуманивало, обдавало, как кружилом, закруживало, заволакивало. За слова мои несогласные, привередные, бранные, что обидели тебя, если можешь, Христа ради, прости меня. Ненароком-то, не из сердца вылетали они. Не храни на меня обиду. Не помни зла...

И мать отцу отвечает:

— Прощаю тебя, милый муж мой, Александр Семёнович. И ты, если в памяти обиду какую на меня держишь за то, что в нашем житейском обиходе, может, когда-нибудь и словом, и делом я тебе поперёк пошла, согрubiла тебе — себе во гнев, тебе на досаду, в нашем бытовании не в кон, не в рихм с тобой столкнулись-стакнулись, — и коли в этом моя вина, то прости, если можешь, меня. Жизнь есть жизнь — всё бывало. Всякая она. Так иногда крутанёт-вывернет, дохнёт-загнёт, что и не хочешь, а сделаешь так, как и вовсе не думается. И не хочешь, а в сердцах выругаешься, попусту забранишься. В моём сердце к тебе обидного нету.

А вон (с нашего двора-то хорошо видно) соседи наши дядя Гриша с тётъ Зиной на крыльце стоят. Солнцу ещё далеко до зенита, но весело, ослепительно пышат лучи, играясь на высоченных сугробах возле плетня, перед дорожкой у дома, по всему двору. Жмурятся от солнца, от сверканья мартовского снега наши соседюшки. Прикрылись ладонями от солнца. Радуются, оглядывают свой двор, осунувшиеся снежные крыши соседних домов, в белёсой пляшущей дымке лес за лугом, лазоревый до далей простор. Бережно движется время.

Прислонилась головушкой тётя Зина к дяде Грише. Приклонился к жене дядя Гриша.

— Зина, Зинаида моя Гавриловна, прости меня, если не досмотрел за собой, сгрубил где тебе, допустил ненароком обиду, ругался; и словом, и делом непутное делал... Не держи обиду — выкинь её из души, прости меня, — винится он перед женой.

И жена перед ним:

— Прости и ты меня, Гриша, дорогой Григорий Иванович, если перечила, супротивилась попусту — не по делу. Люблю тебя, может, с языка и сорвалось когда ненужное, будоражное слово. Не из души неприветные слова шли.

Поцеловались. Задумались, молчат, стоят, обнявшись, на крыльце. /.../

И вот идут к нам соседи по дому Григорий Иванович с женой Зинаидой Гавриловной. Григорий Иванович обращается:

— Ну, хозяин, встречай нас, — прошённый день! Соседи мы с тобой, в одном дедовском доме живём, — сколько лет бок о бок, плечом к плечу! Брательник ты мой двоюродный, никогда о тебе плохого не держал вроде и худого слова в тебя не бросал. Может, и выскользнуло когда незаметное мне, нежеланное, колючее для тебя слово? Ты уж прости. В бытовании нашем никогда с тобой не ругались. Мирно живём, повода ссориться нет в разделённом для наших семей общем доме. Пусть же радостно и ясно в родстве и дружбе, соседством — наша с тобой, братан, жизнь и дальше так течёт.

Отвечает хозяин:

— И ты меня, Григорий, прости, если где себе грубость дозволил, и сделал от досады что-то наперёк — во гнев и обиду тебе.

Тётка Зина с матерью разговаривает:

— Ты, Клавдя, не бери в голову, не мети в свою сторону, если слово огорчительное когда вгорячах, не подумав тебе выплеснула. Чё ж, каждодневно хозяйством по соседству кружимся, одни заботы у нас: дом, детки, скотина во дворе. Где, может, и перетолкнулись неуютными словами, попрекнули друг друга. То корова плетень сомнёт, во двор зайдёт, накуролесит, штабель дров повалит, то курица залетит на огород, рассаду потопчет, повыклюет. В досаде и не удержишься от острого слова, но ведь всё забывали мы. Сколько знаем друг друга, столько и дружим. Так ладом и надо жить. Прости за всё неудобное, что было между нами. Бранное слово, если ненароком вылетело, забудь, сотри в памяти.

И мать отвечает:

— Да чё ж плохое вспоминать? Да, крон, и вовсе его не было. Гоношимся одной бабской судьбой. Каждый день по-соседски толчёмся. Где-то неурядица какая вздорная и выползет. В сердцах, не думая, друг другу словечком грубым и отмахнём. Да тут же и напрочь забудем, отойдя. Прости, коль что не так было, коль обидой тебя пожаловала. Забудь и не носи в душе.

Прежний лад в соседях и родне. Покаялись друг перед другом. Расцеловались, простили друг другу обиды. Муть ссор и обид, словно ненужный сор, сошла, исчезла. Душа чиста, не обременена тягостью раздражений и бытовых неурядиц.

Отдохнувшие за зиму, уставшие от зимнего отдыха, покоя и праздничных дней, истосковавшись по скоростной, полной забот и суеты поре, накопившие сил за зиму, с задором и нетерпеньем ждут земляки посевной весенней страды. Хозяйским оком оглядывает сельчанин своё подворье. Здесь ворота подладить, тут карду подправить, там забор покрепче, поплотнее поставить, крышу у погребушки подновить, в сарае загородки установить. Сколько забот! Конца им не будет и края. Кончились праздники, кончилась Масленица. Всё сильнее, всё настойчивее жгут лучи, топят, рыхлят, в ручьи спроваживают высокую, плотную пелену снега. Бормочут, звенят повсюду прозрачные, стремительные ключики, поднимая повсюду половодье. Полянки, лужайки уже кое-где открылись. Голоса детишек звонко разносятся по селу. Бесперечь игра на освободившихся от снега кусках земли: клёк, городки, лапта, карусель. Отзвенела радостью, весёлым солнцем, ярким весенним небом, голосами детишек Пасха. Последние сугробы стаивают в отрогах холмов, в оврагах, в лесу. Ждёт забот о себе истосковавшаяся по хлеборобу земля. Считанные дни остались до посевной...

Кибиточные масленичные гулянья так вот щедро, с размахом отмечались в селе вплоть до начала коллективизации — до тридцатого года. В последующие годы гулянья такие ещё продолжались, но уже не так роскошно и раздольно, как раньше. Отголоски их ещё теплились к началу 50-х. Помнятся наши детские кибиточные игры во дворе Кропотиных (лето 1953 или 1954 года). Лет шесть-семь мне. Старший мой двоюродный брат, Лексей Числов, — он старше меня на 9 лет, я как бы нахожусь под его присмотром. Его годки Васяка Кро-

потин (Вакаров), Колян Кропотин (Коляйка), в его дворе мы и затеяли игру, Вовка Иванов (Маклашов). Мой годок Петька, младший брат Васяки, их сестрёнка Ленка, она помладше Василия. Моя двоюродная сестра Нюся Числова (она помладше Лёшки, ровесница Ленки) и сестра Вовки Иванова, тоже Ленка, ровесница моей двоюродной сестры. Да Колька Вакар, он помладше нас с Петькой на год. Целая ребячья и девчачья орава.

На карде стоят две телеги, двое саней. Роднёю разбились по телегам и саням. На каждой из них, соревнуясь, лепим двух— и трёхэтажные кибитки. Перекрываем жердями, укрываем рогожей, одеялами, простынями, старой одеждой, даже матрасы из дома выволакиваем. Высматривая, как у соперников дело клеится-спорится, с оглобли на оглоблю, с колеса на колесо, с кибитки на кибитку, как тарзаны, перескакиваем. Руководят строительством старшие наши братья. Им довелось въявь увидеть и застать кибиточные праздники. Весь день длится эта интересная и весёлая игра.

В 50-х от кибиточных гуляний остался только помин. Масленицу встречали на лошадях, верховым или саночным ходом, колокольчиковым звоном — в общем, всеми теми забавами, потехами, играми (но теперь уже кроме кибиточных), которыми мои земляки искони и отмечали этот праздник. Сани расписные, в лентах, цветах. Бубенцы привязывались к колечку дуги. Лошади тоже разужоренные, разуборенные цветами и лентами. Весело, игриво, с перезвоном бубенцов, как бы выказывая и подчёркивая стать и удаль ездока, мчится тройка по селу — утеха и радость для зрителей. Санные состязания, конные скачки, джигитовка. В конных состязаниях использовались дрессированные скаковые лошади, рысаки орловской породы. Для выступления в праздники на спортивных конных состязаниях в колхозах специально держали таких лошадей. Обязательный казачий номер: рубка лозы. По улице вдоль дороги с обеих сторон в снег врывали, крепили метровые столбики с вставленными в них прутьями лозы. Всадники — участники состязания, должны на скаку, не пропустив ни одного, шашкой срезать все прутья слева и справа. Побеждал самый ловкий, самый опытный наездник, отлично владеющий шашкой и хорошо подготовивший коня для таких соревнований. В программу гуляний входили и конные состязания с препятствиями. Участвовали в них профессиональные наездники, как правило, бывшие кавалеристы из местных жителей. Однажды из любопытства, чтоб получше рассмотреть скачки, я, с трудом пробившись из толпы, вылетел по инерции, выскочил прямо на дорогу перед препятствием из плетня. Конь, уже перемахивающий преграду, повернул в сторону, чтоб не сбить меня. Конечно, сыграли тут роль реакция, опыт и находчивость всадника, дяди Васи Бочкарёва. Не растерялся бывший кавалерист, резко уздой завернув коня. Конь завершил прыжок, не задев меня и волосинкой.

Конные состязания, масленичные развлечения частенько привязывались к советским праздникам. Даже и к выборам. Нередко они проводились в марте, в начале весны, в дни, на которые приходилась Масленица. Получалось, и в пользу праздник (явка была абсолютная) и как бы в честь важного политического мероприятия. Скачки, конные спортивные состязания в праздники проводились вплоть до 1956—1957 годов...